

— В Ленинграде я подписался на восьмитомник Пушкина, к осени вышли первые три тома. Началось настоящее знакомство с Пушкиным, всё находил я у него, на все случаи жизни чудесные строки. Оказавшись в Ленинграде без Славы и Юры, уехавших на Север, и без Димули, тоже уехавшего куда-то в командировку, туда же в ПГИ, кажется, скучая по Сашеньке, я цитировал в письме к ней пушкинские строчки, созвучные моему настроению:

От суеты столицы праздной,
 От хладных прелестей Невы,
 От вредной сплетницы молвы,
 От скуки, столь разнообразной,
 Меня зовут холмы, луга,
 Тенисты клёны огорода,
 Пустынной речки берега
 И деревенская свобода.
 Дай руку мне. Приеду я
 В начале мрачном *н о я б р я*
 (заменял я пушкинское "сентября")
 С тобою пить мы будем снова,
 Открытым сердцем говоря
 Насчёт глупца, вельможи злого,
 Насчёт холопа записного,
 Насчёт небесного царя,
 А иногда насчёт земного.

— На Новый год в Ленинград съехались Сашенька из Ладушкина и из Севастополя моя мама с Милочкой (та полетела дальше встречать Новый год в Калининград), папа в это время бороздил южные моря, направляясь в Антарктиду на океанографическом судне "Фаддей Беллинсгаузен", ушёл в плавание 30 ноября. Новый 1968 год встречали у Морозов вместе с Бургвицами, Любой с Жорой и Димулей Ивлиевым.

— В середине или конце января я опять в Ладушкине. Кажется, именно в эту зиму я впервые приобщился к зимней рыбалке. Не раньше - это точно, так как в Ладушкине уже жил Виталик Чмырёв, и мы ходили на первую зимнюю рыбалку вместе с ним, а Виталик закончил университет в декабре 1967-го. Не исключено, что это было в следующий зимний сезон (1968-69 гг.) - увы! точно не помню. Да, в сущности, это не важно кроме как для точного определения моего стажа как зимнего рыболова. Во всяком случае сезон подлёдного лова корюшки был в разгаре, обычно это февраль-март, но мог быть и январь месяц, с середины же февраля я уже снова был в Ленинграде.

— Это была вторая зима нашей с Сашенькой жизни в Ладушкине. В первую (1966-67 гг.) из-за защиты диплома и хлопот, связанных с поступлением в аспирантуру, я в Ладушкине почти не жил - этим можно объяснить, что я не был вовлечён в подлёдную страсть уже тогда. А страстью этой была одержима едва ли не половина всего мужского населения Ладушкина, и рассказов о зимней рыбалке я слышал предостаточно, и корюшку в нашем доме во всех квартирах жарили, а что это за вкуснятина я знал ещё с детских сестрорецко-ленинградских лет. И мама, и тётя Люся, и тётя Тамара при всякой возможности покупали корюшку, и жарили, и мариновали её, и суп рыбный готовили. Жареную корюшку я мог есть до одури, а двоюродный братец мой Вовка Мороз, так тот ел её целиком - с головой и костями, благо они у корюшки не жёсткие.

— Но сама по себе любовь к жареной корюшке не гнала меня на лёд залива - неизвестно,

где и как и на что ловить, снастей зимних нет, да и холодуга такая. Другое дело летом в плавках бродить по камышам под жарким солнцем, а для зимней рыбалки одежду подходящую надо иметь - тулуп там, валенки, пешня ещё нужна, ничего этого у меня не было. Тем не менее разговоры о зимней рыбалке раззадорили нас с Виталькой, и мы решили, наконец, сходить самим посмотреть, что же это такое - зимняя рыбалка.

—Разумнее всего было бы для начала пойти с кем-нибудь из опытных рыбаков, но мы решили всё разведать самостоятельно. Изготовили снасти - привязали обычное оснащение летних поплавочных удочек к палочкам длиной по полметра и толщиной с палец. Лёд дырывать решили топориком. Слышали, что корюшку ловят на кусочки корюшки же. Свежей корюшки у нас не было, и мы взяли на всякий случай сырые мясные фрикадельки. Оделись как могли - резиновые сапоги с шерстяными носками, кальсоны или трико под брюки, свитера, я сверху ватник, а Виталик - пальто, и отправились в один из выходных на залив в районе зверосовхоза, как раз через тот пляжик, куда летом ходили купаться и где ловили краснопёрк в камышах.

—Вышли мы не с раннего утра, а часов в одиннадцать, на льду были к полудню. Уже с берега увидели вдали чёрные кучки рыбаков, разбросанные по всему заливу. Пройдя с полкилометра и ещё не доходя до ближайших рыбаков, мы решили попробовать продолбить себе лунки - отверстия во льду для ловли рыбы и тут же убедились, что топорик - абсолютно неподходящее для этого средство (при толщине льда больше десяти сантиметров). Решили пройти дальше к рыбакам и попросить у кого-нибудь пешню, но буквально через пару десятков метров обнаружили готовые лунки и решили попробовать ловить в них.

Эти строки я писал 20 ноября 1981 года в ленинградском аэропорту "Пулково", ожидая вылета самолёта в Калининград. По расписанию должны были вылететь в 14.15, дали задержку до 17.00, потом до 18.00. Где-то около 18.15 посадили в самолёт, в котором и сидим пока до сих пор, а сейчас - 20.15. Никаких объяснений пассажирам не дают. Я сижу в первом салоне во втором ряду, с краю, и вижу в щель между шторами как техники возятся где-то под полом тамбура между кабиной экипажа и пассажирским салоном. Вроде бы неисправность устранили. Трап в очередной раз отошёл, двигатели завели в третий раз. Может, наконец, полетим?

Восхищаюсь терпением пассажиров (75 человек - "Ту-134") - никто не возмущается, лишь бы улететь. До чего же у нас народ терпелив, или просто привык ко всякому бардаку и воспринимает его как вполне естественное явление вроде непогоды, на которое и сердиться глупо, с которым и бороться нельзя. Ну, посадили в неисправный самолёт, ну, тяжело, конечно, сидеть, а что теперь поделаешь?

А я страдаю - курить хочу. Если бы знать, что нужно потерпеть столько-то времени, - было бы легче. Больше всего нервирует неизвестность - полетим ли или высадят?

Ура! В 20.30 мужиков выпустили из самолёта покурить. Через три минуты загнали обратно. Но двигатели почему-то заглушили. Сидим, но покуривши всё же легче. Сзади юморист веселит публику шуточками, видать, приложился маленько.

Трап опять отошёл - 20.40. 20.50 - взлетели! Два с половиной часа просидели в самолёте.

—Вернёмся на лёд Калининградского залива, где мы с Виталиком Чмырёвым опускаем свои снасти с крючками, наживлёнными кусочками фрикадельки, в продолбленные кем-то и оставленные лунки. Глубина где-то между полутора и двумя метрами. Слышали, что корюшку ловят со дна, и, соответственно, регулируем поплавки так, чтобы крючки были

недалеко ото дна, сантиметрах в пятнадцати - двадцати. Сколько нужно точно - не знаем. Просто пробуем. Смотрим в лунки на поплавки, они не шевелятся. Ну, мы в общем-то и не надеялись, что у нас сразу клевать начнёт. Ведь надо места знать, где рыба держится, да и насадка непонятно для кого, просто другой не было, а будет ли корюшка клевать на неё - неизвестно.

— От безделья начинаем мёрзнуть, хотя вообще-то не очень холодно, градусов пять мороза - не ниже. Пасмурно, ветра почти нет. Уже решаем идти к рыбакам попросить кусочек корюшки на наживку, как вдруг... ну, конечно, она - поклёвка! Поплавок дрыгнулся, притопился, но тут же выскочил обратно. Сердца затрепетали, ждем ещё. Есть! Поплавок резко пошёл в воду, тяну - корюшка! Тут же и Виталька поймал, ай да мы. Срочно вырезаем у одной корюшки кусочки спинки и насаживаем на крючки. Клюёт тут же...

— Так продолжалось минут десять, а потом клёв прекратился. Но настроение у нас было отличное. Добрались мы-таки до неё. Даже только увидеть поклёвку для рыбака большая радость, особенно когда уже не надеешься на неё, а у нас как-никак по четыре - пять рыбок поймано размером с некрупную салаку. А какой запах! Корюшка пахнет свежими огурцами, причём запах довольно сильный и зимой - особенно приятный.

— Слушай, Виталька! А не сменить ли нам место? Чего мы за первые попавшиеся лунки уцепились? Не зря же народ подальше от берега держится!

— Пошли, - поддержал меня Виталик.

— Мы отошли вглубь залива ещё метров на двести и расположились опять на чьих-то лунках, продолбленных ещё сегодня и не успевших как следует замёрзнуть - лёд в них пробивался каблуком сапога. Здесь глубже и клевало явно лучше, а к вечеру, когда стало темнеть, мы уже не справлялись с двумя удочками каждый и стали ловить каждый одной. Это не означает, что мы только и делали, что вытаскивали корюшек. Ведь не при каждой поклёвке удавалось подсечь рыбину, часто корюшка срывала наживку с крючка, нужно было насаживать её снова, а замёрзшими руками это сделать не так-то просто. Так или иначе, штук по сорок корюшек мы в тот день поймали. Ловили до темноты. Уже замёрзли, дрожим, ног не чувствуем, а клюет - и нас не оттащить от лунок.

— Вот так мы и приобщились к зимней рыбалке. Вечером Сашенька пожарила наш улов. Мы переживали перипетии рыбалки, млея от теплоты дома и вкуса жареной корюшки. А сколько таких, но всё же других, непохожих, и совсем не таких зимних рыбалок было ещё потом - и по корюшке, и по судаку, и по плотве, и не только вблизи Ладушкина, и вообще не только на Калининградском заливе... отдельную книгу можно написать только об этих зимних рыбалках. Но я ещё буду к ним возвращаться, ведь во все последующие зимы они являлись неотъемлемой частью моей жизни за исключением одной несчастной зимы, когда лёд так и не встал на заливах Калининградской области, и это было сущей трагедией для меня.

— Как ждал я тогда морозов!

— А этот наш первый выход с Чмырёвым был только началом развития во мне страсти, которая разгорелась не сразу, а постепенно, в течение двух-трёх сезонов, по мере и в процессе приобретения мной навыков, опыта, амуниции и т.п.

(продолжение следует)